

Вилен Злотников

САГА О СУДЬБАХ

Вилен Злотников

Сага о судьбах

«Издательские решения»

Злотников В.

Сага о судьбах / В. Злотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960852-9

Как часто мы задумываемся, как живётся нашему соседу? Тем более, если он из национального меньшинства? Ведь ему приходится приспосабливаться к условиям жизни, традициям и языку коренных жителей. А если это меньшинство еще и негласно притесняется? В книге Вилена Злотникова просматривается судьба одной семьи, начиная от революций начала двадцатого века. Многое приходится пережить, но сплоченность и взаимопомощь помогают выжить даже в самых нечеловеческих условиях.

ISBN 978-5-44-960852-9

© Злотников В.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Глава первая	7
«Коза»	7
Глава вторая	14
Давид	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сага о судьбах

Вилен Злотников

© Вилен Злотников, 2019

ISBN 978-5-4496-0852-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Судьбы, читатель, твоя и моя,
Как судьба в парусах каравеллы,
В грозном, бушующем море жизни,
Домой вернется с успехом,
Умные, храбрые, смелые.*

Эту книгу автор посвящает своей семье и светлой памяти всех близких,
которых
уже нет.

Благодарности

Автор выражает свою искреннюю благодарность своей жене и другу Лие за её удивительное терпение, её бескомпромиссную моральную поддержку и искреннюю веру в то, что эта работа будет доведена автором до конца.

Все права принадлежат автору на основе Международного соглашения в Берне по вопросу защиты авторских прав.

Все перепечатки данной работы (как полностью, так и частично), а также все переводы на другие языки (как полностью, так и частично), категорически запрещены, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе (даже для личного пользования) без письменного разрешения автора.

Любое нарушение закона будет преследоваться в судебном порядке.

Первоначально автор задумал этот роман и намеревался написать его в форме автобиографического очерка. Но, как это часто бывает в жизни, один ручеек на своём пути сливается с другими себе подобными, превращаясь в мощный поток или даже реку.

Далее они текут уже вместе и, встречаясь с различными жизненными препятствиями, превращаются в мощные водопады и водовороты жизни, которые и образуют поток повествования.

Мемуары превратились в большой роман, который получил общее название «Сага о судьбах».

Глава первая

«Коза»

Изучая книгу «Тания», написанную основоположником хасидского учения Хабада, знаменитым ребе Шнеур Зальманом (или Алтер Ребе) из Ляд, в главе восьмой второй части книги – «Врата единства и веры» – на стр. 403 я вычитал такую фразу: «Любовь возникает в меру знания». Это очень серьёзное утверждение и, на мой взгляд, довольно спорное. С моей точки зрения (да и не только моей), очень часто любовь исчезает в меру знания. Подтверждение этому – статистика бесконечных разводов.

Эта фраза заставила меня задуматься. Я стал серьёзно размышлять, перебирая в своей памяти десятки и даже сотни жизней моих друзей, знакомых и просто людей, с которыми вместе работал, включая и свою жизнь (а я уже прожил значительно дольше, чем Алтер Ребе). Правда, справедливости ради должен отметить, что этот факт ни о чём не говорит. Можно очень долго прожить и не оставить какого-либо следа после себя, ничему не научиться и никого ничему не научить. Но я учился, и потом учил других. Моя жизнь не проходила в тёплом бризе и штиле. Были большие штормы, радостные высокие взлёты и драматически низкие падения.

Был испытан настоящий, смертельный голод, были пять лет жизни в Сибири, потери друзей, знакомых, родственников – далёких и очень близких. Не прошли даром, бесследно годы войны и три клинические смерти. На основе всего пережитого сейчас я могу анализировать. Я не разделяю точку зрения Ребе, несмотря на его исключительный авторитет. Я не согласен с его мнением о том, что любовь возникает в меру знания. В меру знания может возникнуть в лучшем случае большое уважение, признание и даже почитание, но чаще всего возникает простая обывательская привычка, которую часто путают с этим воистину духовным чувством, то есть с настоящей большой любовью, во всей полноте её духовной силы и значимости, которая никогда не имела и не имеет рационального объяснения.

Итак, эта фраза возбудила в моей памяти историю или рассказ – бль о трагедии, которая разыгралась где-то в середине между 1850-ми и 1890-ми годами в двух маленьких еврейских местечках в Белоруссии. Эту историю я услышал за несколько лет до начала Второй мировой войны.

Мы с отцом приехали навестить его родителей, которые тогда жили в Сураже (западнее Брянска). Я не помню причины, из-за которой начался этот рассказ, но каким-то чудом запомнил почти всё то, что произошло с двумя необыкновенными личностями, имена которых стали легендарными (ещё при их жизни) во всём районе, где они жили, а также нарицательными с точки зрения духовной чистоты и морали – как чисто светской, так и религиозной. Они стали легендарными совсем не потому, что оба были исключительными из-за своей незаурядной внешности, и не потому, что оба были особенными по своим внутренним чисто человеческим качествам.

Они стали легендарными потому, что Творец наделил их таким свойством, которое вообще очень редко кто-либо получает. Точнее – никто до них на этой планете ещё не получал. Эту совершенно удивительную историю рассказали нам мои дедушка и бабушка, причём последняя помнила многие детали значительно лучше дедушки, так чётко и ясно, как будто это случилось вчера, и с такими подробностями, что у меня сложилось впечатление и даже подозрение, что оба они жили в то время в одном из нижеописанных еврейских местечек, где и разыгралась эта трагедия.

Итак, речь пойдёт о двух еврейских поселениях, которые находились примерно в десяти километрах друг от друга. Одно называлось Лесное, а другое – Берковичи.

В каждом местечке были своя синагога и свой ребе. В одном из этих местечек, Лесном, была кузница – пожалуй, единственная на весь район, а может быть, и на губернию.

Главные персонажи этого рассказа – это Рахель, Давид и Шломо.

Рахель и Давид жили в Лесном, а Шломо – в Берковичах. Рахель была дочерью местного ребе, а Давид – сыном кузнеца. Он был на три года старше её. Шломо был сыном ребе в Берковичах и был старше Рахели на два года. Надо отметить, что отец Шломо был главным раввином во всём районе и славился своей учёностью. Одним словом, был очень знаменит и влиятелен. По количеству населения Лесное и Берковичи были примерно одинаковы – от одной тысячи до полутора тысяч человек, – и, конечно, все знали друг о друге всё и вся. Например, если на одной окраине местечка варился еврейский пенициллин, то на противоположной уже точно знали, какую приправу Хая забыла положить в кастрюлю. Одним словом, не могло быть и речи, чтобы кто-то что-то мог утаить.

Итак, как я уже упоминал, в каждом местечке был свой ребе и у каждого, естественно, была куча детей. Ну, что поделаешь – это судьба каждого ребе. Хочешь быть ребе – выполняй волю Творца, то есть плодись и размножайся! Если ты не превращаешь жену в рожальную машину, то каким же ещё путём ты можешь это делать? Думаю, что приличия ради не станем заострять на этом внимание.

В местечке, где жил Шломо, ещё была небольшая йешива. Причиной тому был, очевидно, тот факт, что отец Шломо был всё-таки главный ребе и судьба мальчика была предрешена. С трёх лет он готовился тоже стать ребе. Он корпел над книгами день и ночь, и потому вырос бледным, хилым и очень слабым, зато некоторые разделы Талмуда знал почти наизусть.

В другом местечке росли Рахель и Давид. Как уже отмечалось ранее, отец Рахели тоже был ребе, но, в отличие от ребе в Берковичах, давал девочке больше свободы, чтобы она наслаждалась временем детства. Не без того, конечно, что она должна была хорошо учиться, но в то же время могла делать то, что ей нравилось. Она любила кормить птиц и животных, любила убирать в доме, приносить воду из колодца, полоскать бельё в местном ручье, доить корову, помогать маме по хозяйству и даже починять забор. Она любила быть чем-то занятой. Ребе обожал свою дочь, и она отвечала ему тем же. Ходила слушать его в синагоге и гордилась им, видя, с каким уважением все к нему относятся. Она его тоже очень уважала и беспрекословно слушалась.

Теперь несколько слов о Давиде – сыне местного кузнеца. Это был удивительный мальчик. Уже в восемь лет он начал помогать отцу в кузнице. Отец учил Давида, давая постепенно работу всё сложнее и сложнее. Работы было очень много, и помощь сына была всегда кстати.

Мальчик относился к работе очень серьёзно и трудился после школы до наступления темноты. Работая физически, парень вырос сильным и здоровым. Внешне это был настоящий Геркулес: высокий (примерно 190 см), широкоплечий, мускулистый и очень красивый. Кудрявые тёмные волосы чуть-чуть оттеняли его слегка смуглую кожу и необыкновенно добрые, умные серо-голубые глаза. В короткие минуты отдыха он играл с двухпудовыми гириями, которые сам себе сделал. Синагогу посещал регулярно – каждую субботу. Давиду было восемнадцать лет, когда разыгралась описанная ниже драма.

Вернёмся к нашей Рахели. Она никогда не бывала за пределами своего местечка, в котором родилась и выросла. Кстати, Давид тоже. Вся её чистая, светлая и радостная жизнь проходила у всех на виду. Через пару лет после бат-мицвы она неузнаваемо переменилась. Стала высокой, стройной и сказочно красивой, но с тем же по-детски чистым и нежным лицом. Подружки завидовали ей, а она оставалась всё тем же невинным, скромным и добрым ребёнком, который боготворил своего папу-ребе.

Она довольно часто пробегала мимо кузницы, где трудился друг её детства – Давид. Обменивалась с ним парой фраз, шуткой или остротой и, смеясь, упорхала. Они знали друг друга с раннего детства. Часто играли вместе, когда ей было три годика, а ему – шесть. Рахель

была удивительным созданием. Она любила всех, и все любили её. Она всегда просыпалась с улыбкой и радостью на лице. Для неё весь мир был прекрасен. Много, очень много детей было вокруг, но она была явно явлением необычным. Она росла в учёбе и заботах по дому. Надо было помогать маме, которая продолжала рожать. Ведь папа был ребе.

Ей исполнилось пятнадцать лет. Начиналась новая лесная весна. Было очень тепло. Деревья тихо перешёптывались. Они совсем недавно стряхнули с себя остатки белой зимней шубы. Лес и всё его население с нетерпением ждали первого майского дождика, который обычно даёт мощный толчок, импульс в развитии новой жизни во всех её проявлениях. Надо жить в таком лесу или около него, чтобы представить, какая это мощь, какая красота и великолепие – приход весны в Его величество большой лес! На молодых и старых деревьях из нежных почек выстрелили новые, свежие, светло-зелёные листики. Певчие птицы всех цветов, пород и размеров, прославляя Творца, не умолкали с самого рассвета. Всё живое и неживое приветствовало долгожданную весну и яркое доброе солнце. Природа ликовала. Лесная жизнь набиралась новых сил и энергии.

Однажды мама дала Рахели сковородку и попросила отнести ее в кузницу – починить: ручка вот-вот отвалится. Рахель схватила сковородку и помчалась по единственной мощёной дороге этого местечка. Давид и его отец уже давно работали. Угли в жерновах были раскалены. С улыбкой она протянула Давиду сковородку и спросила, можно ли её починить. Давид глянул и ответил, что, конечно, можно. А затем произошло нечто необычное. Это то, что невозможно ни объяснить, ни описать. Они смотрели друг другу в глаза, и это «что-то» произошло. Как будто обоим пронзила беззвучная молния. И у него, и у неё что-то ёкнуло в глубине сердца. Дыхание перехватило – стало трудно дышать под давлением какой-то невидимой силы. Их взгляды задержались лишь на одно мгновение, и они оба вдруг смутились и покраснели. Отчего? Что произошло? Этого до сих пор ни у неё, ни у него никогда не было. Они ведь знали друг друга с пелёнок. Так что же случилось? Ответ один. С неведомых высот на них спустилась Любовь. Она пронзила их одновременно. Они влюбились друг в друга. Да-да, влюбились! Ведь для этой немислимой духовной силы преград не существует. Настоящая духовная любовь посылается откуда-то оттуда, сверху и тому, кого они там изберут, но происходит это чрезвычайно редко. Бессмысленно объяснять это чувство – оно необъяснимо.

Рахель и Давид стояли друг против друга растерянные. Они не могли понять, что же с ними произошло. Ведь оба были невинны и целомудренны. Они не знали и не подозревали, что с этого момента начали нести на себе груз счастья, радости и настоящего горя. Эти двое стали нести духовный груз, который называется Любовь.

Далее мы узнаем, что они пронесли свой груз, свою любовь и все свои страдания через всю свою жизнь, до самого конца, с большой гордостью и достоинством. Пронесли до последнего своего дыхания.

Итак, вернёмся к сковородке. Обычно подобную утварь Давид починял в течение десяти минут, но на эту у него ушёл целый час. То он не мог найти в ящике подходящие заклёпки, то он их пережёл, то не мог вставить заклёпки в отверстия в самой ручке. Одним словом, обычно такой быстрый, ловкий и проворный, он вдруг стал настоящий лемех, не говоря уже о том, что в разговоре с Рахелью, всегда находчивый и остроумный, у него вдруг стал заплетаться язык, и он почти онемел. В конце концов он починил сковородку и вручил её Рахели. Она поблагодарила его и очень медленно, как бы нехотя и с грустью, поплелась домой. Он смотрел ей вслед и всё не мог понять, что же с ним произошло. Но скоро, очень скоро они поняли, что полюбили друг друга. Какими словами описать их счастье, их радость? Таких слов нет.

Они – совсем ещё дети, ещё совсем молодые – стали строить планы на будущее. Они безумно любили друг друга, но тщательно скрывали свою любовь от посторонних. Никто ничего не подозревал. Ведь все знали, что они дружат с детства.

Однажды к её папе по каким-то делам приехал главный ребе из соседнего местечка. Приехал он вместе со своим сыном Шломо.

Оказывается, Шломо успешно закончил йешиву, сдал экзамены и получил диплом ребе. Его отец очень гордился успехами сына. Они сидели за столом, а Рахель помогала маме – подавала и убирала. Шломо не сводил с неё глаз. По дороге домой он сказал отцу, что ему очень понравилась Рахель, и он бы хотел на ней жениться. Отец ответил, что ему Рахель тоже понравилась.

Далее события развивались как в калейдоскопе. Отец Шломо два раза встречался с отцом Рахели. Тот был счастлив, что его любимая дочь выйдет замуж за сына знаменитого и очень влиятельного ребе. Такое родство ему льстило. Он всё рассказал Рахели и спросил, согласна ли она выйти замуж за Шломо. Девочке всего пятнадцать лет! Она была так растеряна, что не могла что-либо ответить, а её отец, одурманенный своей идеей и мечтой, вообразил, что она согласна. Он ведь и понятия не имел о её чувствах к Давиду. Оба ребе быстро договорились о дне свадьбы, и что хупа будет в синагоге у главного ребе, то есть – отца Шломо.

Рахель всё рассказала Давиду. Бедный парень, которому было только восемнадцать лет, тоже не знал, что делать.

Вскоре настал роковой день. Что творилось в душах Рахели и Давида, передать невозможно. Мальчик в кузне метался как зверь в клетке. Отец не понимал, что происходит с сыном. Мать Рахели вырядила дочь должным образом. Подкатали разукрашенные коляски, чтобы ехать в соседнее местечко, под хупу. Рахель села в коляску, как в тумане: кружилась голова, начали душить слёзы. Процессия двинулась. Проезжали мимо кузницы. В дверном проёме стоял Давид и с ужасом смотрел, как увозят его Рахель. Она встала и повернулась лицом к Давиду. Глаза её были полны слёз и мольбы о помощи, не отрывались от глаз Давида. Вид последнего был ужасен, тяжёлый молот выпал из его могучих рук. Он схватился за голову. Отец смотрел на сына в недоумении. Что, мол, с тобой, сыночек? Было полно провожающих, и никто, абсолютно никто не видел, что же происходит! Как у этих двоих разрываются сердца и кромсаются души!

Процессия выехала за местечко, а Давид всё стоял, будто в оцепенении. Приехали в синагогу. Там уже ждал жених – Шломо. Обоих подвели под хупу. Началась церемония. Рахель смотрела на своего любимого папу и думала: «Мой дорогой папа, что же ты со мной делаешь?» А папа ничего не видел. Его лицо сияло, просто светилось от радости и счастья. Ещё бы! Ещё несколько минут – и его дорогая, любимая Рахель станет невесткой знаменитого ребе, и он сам будет с ним в родстве!

Настал торжественный момент. У Рахели закружилась голова, всё расплывалось и было как в густом тумане, будто бы не в реальности. Она даже не слышала и не помнила, что ответила на вопрос. Она видела только счастливое, сияющее лицо своего папы – папы, которого она любила. Этой девочке было всего пятнадцать лет. В тот момент, когда она произнесла что-то невнятное, в другом месте, в её местечке раздался нечеловеческий душераздирающий крик, от которого вздрогнуло, всколыхнулось всё Лесное. Этот крик пронёсся грозным эхом по всем окрестным лесам. Давид разрывал себе грудь. Он со страшным, диким криком, наводившим ужас на всё местечко, начал громить, крушить и ломать всё, что попадалось ему на его пути.

Он медленно шёл, полуголый, и уничтожал абсолютно всё. Он обезумел. Никто не знает, что такое душевная боль. Не пробуйте испытать! Кто-то вскочил на лошадь и помчался в Берковичи, где уже заканчивался обряд под хупой. В это время Давид медленно шёл к синагоге. Одним могучим ударом вышиб массивную дверь и стал крушить всё внутри. Кто-то закрыл собой Тору.

Дикий, страшный, безумный крик рвался из его могучей груди. Он вышел из синагоги, глаза его были безумны. В них страшно было смотреть. Он спустился и упал лицом вниз – на камни у самых ступенек крыльца. Вдруг подъехала коляска. К нему бежала Рахель. Она

села на первые ступеньки. Он обхватил руками её ноги и прижал к своей голове. Всё его тело содрогалось в судорогах от рыданий. Она сидела на ступеньке, её руки перебирали его вьющиеся волосы, голова была запрокинута вверх, а из закрытых глаз ручьём текли слёзы, падая на кудрявую голову Давида. Она сидела молча и глухо рыдала. Птицы в лесу в страхе умолкли. Подъехали ещё коляски, в которых были оба ребе и Шломо. Собралась огромная толпа (всё местечко), которая стояла полукругом. Женщины рыдали. Отец Рахели сел в стороне, на эти же ступеньки крыльца синагоги, и схватился обеими руками за голову. До него только сейчас всё дошло. Дошло, что он натворил! Он только сейчас понял, что он отнял у любимой дочери. Это он, которого она так любила, отнял у неё право на свободу выбора. Он сам лично превратил её в козу! Он проклинал себя, свой эгоизм и своё тщеславие. Давид тихо стонал. Сердечная боль не утихала.

Вдруг неожиданно наступила гробовая тишина. Все замолчали. Какой-то невидимый ореол поднялся ввысь над головами Рахели и Давида. И почему-то все, абсолютно все, кто находился на этой площади, не столько подумали, сколько почувствовали одно и то же: родилась Легенда о Великой Любви. Любви между Рахелью и Давидом. Любви, о которой в этих местечках, во всей губернии, да и на всей планете никто никогда не знал, не слышал и не представлял, что такая Любовь может быть, что она существует. А Давид, этот совсем ещё мальчик, вот так, таким образом защищал свою Любовь, принадлежавшую только Ей и Ему. Рахель сидела, молча перебирая курчавые волосы Давида и роняя на них слёзы. В стороне сидел её отец, убитый горем, вдруг свалившимся на него. Сидел тихо, медленно раскачиваясь, держа обеими руками свою голову, а в коляске рядом, закрыв ладонями лицо, сидел Шломо. Так продолжалось долго, очень долго. Никто не знает, сколько прошло времени.

Затем Рахель тихо и нежно освободила свои ноги от рук Давида, молча встала и подошла к своему отцу. Также молча взяла его за руку, повела и усадила в коляску. На какое-то мгновение задумалась, вернулась к лежавшему Давиду, упала на колени, обхватила его голову и прижала к своей груди. Толпа рыдала. Дети плакали, ухватившись за юбки своих матерей. Было такое впечатление, что каждый хоронил своего самого дорогого и близкого.

Так прошло несколько минут. Затем Рахель подняла голову Давида и, глядя ему в глаза, что-то тихо прошептала. Тот молча кивал головой. Прошла ещё минута. Рахель прижалась губами к голове Давида в долгом-долгом поцелуе. Затем она поднялась во весь рост, и общий вздох удивления прошёл по всей этой огромной толпе. Буквально на глазах у всех пятнадцатилетняя девочка превратилась в убитую страшным горем, совершенно зрелую, очень красивую женщину. Чудо произошло буквально у всех на глазах. Рыдания и всхлипывания в толпе не прекращались, а напротив, становились всё громче. Рахель села в коляску, в которой сидел её отец, и вся кавалькада медленно тронулась в обратный путь. Было ли в Берковичах продолжение свадьбы, точно никто не знает. Дошли слухи, что не было.

На место, где сидела Рахель, пришли и сели на ступеньки крыльца родители Давида. Мать накрыла его платком, а он всё ещё вздрагивал. Наступала темнота. Отец и мать помогли Давиду подняться, и все те, кто ещё был на площади, стали свидетелями второго чуда. Ещё несколько часов тому назад здесь, у крыльца синагоги, лежал и рыдал восемнадцатилетний мальчик. Сейчас же все увидели убитого страшным горем зрелого мужчину. Родители отвели Давида домой и уложили в постель. Он не появлялся в кузне больше недели. В субботу в синагоге Лесного никого не было. Ещё через неделю всё повторилось. Люди собирались у кого-то в доме.

Так случилось, что в это самое время все местечки в округе посещали вербовщики в царскую армию. Уйти из дому на двадцать лет – желающих не было, но в Лесном вербовщикам повезло. Завербовался только один, но какой! Такой стоил десятерых! Это был гигант-красавец. Да, наш Давид пошёл служить в царскую армию на двадцать лет.

Жизнь продолжалась.

Отец Шломо оставил синагогу сыну, а сам куда-то уехал. Никто не знал, куда. Отец Рахели тоже получил синагогу где-то в другом местечке. Мать Рахели отказалась ехать в другое место и, по-видимому, вообще отказалась продолжать жить с мужем. В Лесное был назначен новый ребе. Рахель тоже не жила со Шломо, так как в течение многих лет у них не было детей. Шломо же вообще был очень тихий и незаметный. Он знал только книги. Давид раз в месяц присылал родителям два письма. Рахель приходила к ним читать своё. Они продолжали любить друг друга на расстоянии. Оказалось, что и в армии Давид был кузнецом. Его, жиды, и там все любили за необыкновенно добрый характер, почитали за сверхчеловеческую силу и, конечно, за кузнечное мастерство и искусство.

Время шло. Оба местечка росли и стали значительно больше. Выросло новое поколение. С ростом населения, как ни удивительно, росла и легенда о необыкновенной любви Рахели и Давида. Легенда не умирала. Наоборот, становилась всё больше и больше. Ведь одна половина легенды жила здесь – рядом.

Прошло двенадцать лет, и у Рахели родился мальчик, которого она назвала Давидом. Через три года от какой-то болезни умер Шломо. Тихо жил и так же тихо ушёл. Рахель вместе с сыном переехала к своей маме в родное Лесное. Мать жила одна – дети повзростали.

Теперь Рахель могла навещать родителей Давида каждый день вместе с сыном, который обожал свою очень красивую и очень строгую маму. Маму, которая всё умела.

Время шло. Из армии в чине офицера царской армии вернулся Давид. Его встречало всё местечко. Пир был устроен такой, который старожилы не помнили ни до, ни после. Ещё бы! Местечко гордилось: вернулась вторая половина Легенды. Однажды Рахель зашла вместе с сыном в кузню – проведать Давида. Тот уже работал. Давид-младший, которому было уже восемь лет, долго и внимательно смотрел, как Давид-старший ловко жонглирует тяжёлым и раскалённым добела металлом. Вдруг мальчик повернулся к матери и сказал:

– Мама, я тоже хочу стать кузнецом!

Давид-старший замер. Наступило молчание. Рахель и Давид смотрели друг на друга. После минутного молчания Давид-старший только кивнул головой. Рахель сказала сыну, что это трудное и сложное ремесло – быть кузнецом.

– Сможешь ли ты, сынок? Мальчик ответил:

– Да, смогу.

С этого дня Давид начал учить Давида-младшего.

Время не стоит на месте. Рахель и Давид после окончания дня часто сидели на крыльце дома, возле кузни. Все, кто проходил мимо, останавливались и низко им кланялись – как святыне. Ведь эти двое были их гордостью, воплощением святая святых, олицетворением живой Легенды! Легенды о Великой, непобедимой и необыкновенной Любви. Эти двое, которые фактически никогда не имели интимных отношений, пронесли свою Любовь через все испытания с гордостью и достоинством. Местечко стало местом паломничества и туризма. Из-за этих двоих люди приезжали издалека, только чтобы взглянуть на них или показать их своим детям. Родители рассказывали о них легенды. Они были живым моральным, нравственным примером для растущего нового поколения.

Прошли годы. В Лесное приехал отец Рахели, чтобы здесь умереть. Он был тяжело болен. Перед смертью он подозвал к себе Рахель и еле дыша, чуть слышно попросил у неё прощения. Она сказала:

– Папа, я давно тебя простила, ты не виноват. Тебя так воспитал твой папа, а его – его папа, – она подвела к нему Давида-младшего. Отец едва улыбнулся и сделал знак благословения. Похоронили его на местном кладбище.

Прошло десять лет. Давид-младший стал кузнецом- виртуозом. У него раскрылся талант. Он обожал своего отца – Давида-старшего. Другого ведь он не помнил! Прошли ещё годы. Благодаря этим двоим Лесное превратилось в крупное процветающее местечко. Туризм не пре-

кращался круглый год. Через некоторое время Давид старший чем-то заболел. Он умирал. Рахель не отходила от его постели ни на минуту. На прощание они что-то очень тихо сказали друг другу. Никто не слышал. Провожать Давида в последний путь съехались люди со всей губернии. Ведь он был живой Легендой. Через две недели вслед за ним ушла и Рахель. Физически и духовно она уже не могла жить без него. Ушла вторая половина Легенды.

Их похоронили на местном кладбище – рядом, друг возле друга. Городок собрал деньги, и им поставили два изумительных по красоте памятника из белого гранита. Какие-то искусные мастера выгравировали их профили, глядящие друг другу в глаза. Давид-младший выковал неопишуемой красоты розу и вделал её в гранит таким образом, что было полное впечатление, будто бы Давид дарит эту розу Рахели.

Перед памятниками была выложена из камня небольшая площадь. К ней вела широкая каменная дорога. Стало традицией, что перед хупой молодые приезжали сюда – поклониться и как бы попросить благословения у этих двоих. Это место стало святой святых, и никому, абсолютно никому не приходило в голову привести сюда «козу» – то есть невесту или жениха, у которых родители отняли свободу. Свободу на право выбора.

Глава вторая

Давид

Итак, Давид-младший в возрасте восемнадцати лет в течение двух недель стал круглым сиротой. В живых остались только его бабушка Циля, мать Рахели, с которой он жил, и которая его просто боготворила, и весьма пожилые родители Давида-старшего, которые в нём также души не чаяли. Ещё бы – этот мальчик воплощал и унаследовал все самые лучшие черты и качества от тех, кто его родил, и от того, кто его вырастил и воспитал. Он был исключительно скромным, добрым и отзывчивым. Внешне он был поразительно красив – весь в мать. Высокий, чуть-чуть ниже отца – Давида. У него были просто шикарная шевелюра, материнские слегка выющиеся тёмно-каштановые волосы, почти чёрные с плавным изгибом брови и необычайно выразительные глаза – небесно-голубые, цвета чистой бирюзы, в которых отражалась его светлая и невинная душа. Он унаследовал от матери не только красоту, но и – что самое главное – любовь к людям.

От своего биологического отца – Шломо – он унаследовал тяготение к знаниям и любовь к книгам. Давид был необыкновенно способным, сообразительным и умным мальчиком. Но то, что он унаследовал от своего отца – Давида – ему никто в этом мире дать не мог. Он перенял у него настоящую сердечную доброту к людям. Отец воспитал и укрепил в нём это необыкновенное качество – делать только добро. Вот таков был наш Давид-младший, который в течение года, практически каждый день, приходил на могилу своих родителей и просиживал там часами в глубоком раздумье. Его родители были не просто особенными – это были необычные люди, которые обратили на себя внимание самого Творца, который наделил эту выдающуюся пару особым свойством. Мальчик очень тосковал по ним. Ему их по-настоящему не хватало, и никто, абсолютно никто не мог ему их заменить. Он приходил сюда за советом и, непонятно как, но всё же получал его.

Он сидел здесь часами, погружённый в воспоминания. Перед его глазами вставали и проходили картины жизни с его родителями. Однажды перед ним предстала необыкновенно яркая картина о возвращении его отца – Давида – после окончания службы в царской армии и знаменитая встреча с его мамой – Рахелью. Ему тогда было всего восемь лет, но картина была настолько яркой и реальной, как будто это произошло вчера.

Дело в том, что переписка Рахели с Давидом не прекращалась в течение двадцати лет и была более чем регулярной. Рахель всегда знала, где в тот или иной период времени находится Давид и чем он занят. Она знала о его продвижениях по службе и даже о том, что командование его очень уважает и ценит. Ещё бы – никто не мог изготовить такую сбрую, такие подковы и с таким искусством подковать лошадь главнокомандующего армией, как это делал Давид!

Поэтому Рахель знала точно, в какой день и даже в какой час может появиться её Давид. Она рассказала об этом ребе, который двадцать лет тому назад сменил её отца. Кстати сказать, он был тоже замечательный и высокоэрудированный, знающий ребе, которого всё местечко очень уважало. Он был воистину продолжателем дела своего предшественника. Был в курсе этой удивительной, необычайной истории.

Ребе попросил Рахель ни о чём не беспокоиться. Он сам организует встречу Давида. Ему самому не терпелось встретить и увидеть эту легендарную личность.

И вот этот день наступил. На площади возле синагоги были накрыты столы. Сколько их было – сказать трудно. До нас дошёл факт, что каждый получил своё место – никто не стоял. Столы были накрыты белоснежными скатертями и ломились под тяжестью изобилия кошерной

пищи. Бутылок с вином и водкой было намного больше, чем встречающих (а встречало Давида всё Лесное). В тот день все оставили свои занятия и принарядились, как на большой праздник. Ведь в местечко возвращалась их легенда, которая двадцать лет тому назад, одним ударом кулака вышибла и сорвала с петель массивную дверь в эту синагогу. Большое крыльцо было завалено цветами. Красавица Рахель была одета во всё белое. От неё невозможно было оторвать глаз. На крыльце стояла истинная красавица-святая.

Дорога к Лесному, так же, как и к Берковичам, имела множество поворотов и, петляя, проходила через очень густой лес. Но вот на прямом участке дороги появилась коляска. Она приближалась. В коляске было двое. Кучер – один из местных жителей – и очень большого роста красавец в форме офицера царской армии, который не сидел, а стоял. Это был Давид. За коляской трусила, привязанная, высокая кавалерийская лошадь. Позже Давид рассказывал, что командование за отличную и образцовую службу в царской армии подарило ему на прощание полный комплект кавалерийского офицера, включая саблю, конскую сбрую, именной револьвер и разные мелочи, – он ведь проходил службу в кавалерийской дивизии. Можно себе только представить, сколько лошадей он подковал за двадцать лет!

Коляска подкатила к синагоге. Офицер легко спрыгнул с неё и буквально взлетел на крыльцо. На какое-то мгновение всё кругом замерло. Рахель и Давид стояли друг против друга. Была мёртвая тишина. И вдруг Рахель бросилась Давиду на грудь. Воздух задрожал от крика восторга. Вверх взлетели сотни кепок и кип. Давид правой рукой прижал голову Рахели к своей могучей груди, к своему сердцу – и они застыли. Он поднял свою голову высоко вверх, и на головку Рахели начали падать крупные капли. Точно так же было двадцать лет тому назад. Тогда Рахель сидела на ступеньках этого самого крыльца, а голова Давида была на коленях. Она перебирала курчавую голову Давида, и её слёзы падали на его голову.

Теперь ей было тридцать пять, а ему – тридцать восемь. Прошло двадцать лет, и они встретились. Эти двое прошли через тяжелейшее испытание жизни – испытание временем. Их любовь стала легендарной. Они пронесли свою, в полном смысле значения этого слова, неземную любовь и теперь, на глазах у всех, открыто выражали её друг другу. Была мёртвая тишина. Только слышалось всхлипывание женщин и их детей, которые, держась за юбки матерей и тоже плача, не понимали, почему плачет мама. Но на сей раз это были слёзы радости, слёзы победы, слёзы торжества жизни. Эти двое стояли, сжимая друг друга в объятиях, и никому, кроме ребе, было невдомёк, что именно сейчас, именно в это святое мгновение произошло полное соитие их душ. Да, в это мгновение эти двое получили сверху неземной подарок – шестое чувство, ощущение Духовной Любви.

До них за всю историю человечества такой подарок не получал никто. Эти двое находились в состоянии неземного блаженства, что абсолютно недоступно ни нашему пониманию, ни ощущению. И опять, точно так же, как двадцать лет тому назад, при абсолютном молчании всех присутствующих, над их головами поднялся невидимый для земного глаза ореол. Ореол – символ святости.

Всё это время ребе стоял сзади пары в дверях синагоги и счастливо улыбался, прижав руки к груди. Он понимал то, что не понимал никто. В его глазах эта легендарная пара в тот момент находилась под духовной хупой.

Ребе был счастлив так, как никогда за всю свою жизнь. Эти двое были не просто исключительно красивой парой. От них исходило что-то особенное, необъяснимое – что-то, что невозможно описать. Человеческий словарный запас слишком беден для этого. Они были прекрасны как внутри, так и снаружи. Они не только как бы светились этой духовной чистотой – она исходила от них в окружавшее их пространство. Прошла ещё минута тишины. Они смотрели в глаза друг другу, определённо находясь в другом мире. Затем оба повернулись лицами к собравшимся. Воздух вновь содрогнулся от взрыва всеобщего ликования, криков приветствия и радости. Снова взлетели ввысь кепки и кипы. Эти двое как бы вышли из тумана другого мира –

мира красоты. Красавица Рахель смущённо улыбалась. Она не ожидала, что ребе устроит такую встречу. Она поглядывала на Давида, и её глаза излучали безграничную любовь. В них было море, океан любви, которую она не могла, да и не хотела скрывать. Не просто радость и счастье вернулись в её дом. К ней вернулась любовь к жизни, к ней вернулась вторая половина её души. Давид-младший стоял, прижавшись к своей бабушке, и с нескрываемым восторгом смотрел на свою красавицу-маму и на Давида, о котором он так много слышал и с которым он так мечтал встретиться.

Он вспоминал, как он первый подбежал к Давиду, и как вдруг оказался в огромных, мощных руках, и как он взлетел в воздух так высоко, что у него перехватило дыхание. Эти же руки нежно его подхватили и прижали к широкой груди. Давид-старший нежно целовал Давида-младшего. Только Рахель и он понимали, что с этого момента, что отныне этот чудный мальчонка стал его сыном. Затем к Давиду подошли его уже изрядно состарившиеся отец и мать, которых уже успело поздравить всё местечко. Затем к нему подошла мать Рахели. Он нежно её обнял и поцеловал. Взяв её руки в свои, он благодарил её за то, что она подарила ему Рахель. Потом начались поздравления, которым не было конца. Наконец, зазвенел колокольчик, и голос ребе призвал всех занять свои места за столами.

ребе произнёс изумительную речь в честь Давида, Рахели и всех присутствовавших. Речь, в которой он упомянул о любви и преданности. О такой любви, которая стала воистину легендарной. Затем короткую речь произнёс Давид. Он поблагодарил всех своих земляков за такой щедрый приём и, обращаясь к Рахели, обещал больше никогда её не покидать и под общий смех и аплодисменты поцеловал. В этот момент Давид-младший вцепился в него, буквально повис на нём. Подсознательно мальчонка чувствовал, что с этого момента он обрёл отца. Он любил его. Он был счастлив. Затем начался пир, который длился весь день и всю ночь. Играл оркестр, который состоял из местных скрипачей и гармониста. Когда и где они успели так сыграть, никому не ведомо.

Играли и пели жизнерадостные песни и танцевали фрейлехс. Это был всеобщий праздник – праздник жизнеутверждения. Только под утро народ стал расходиться по домам. Где эти евреи достали столько вина и водки и где они научились так пить, автор не имеет представления. До нас дошёл только один факт – не молва, а действительный факт об этом знаменитом пире. Автор понимает, что поверить трудно, но факт есть факт – пьяных не было. Это был первый и не последний феномен.

Далее вспоминается, как Давид-младший захотел стать кузнецом. Он сидел на скамейке возле памятников, собирая завядшие и укладывая свежие цветы, которые жители приносили буквально каждый день. Он приходил сюда иногда за советом и, как ни странно, получал его. Он уходил, точно зная, что и как надо делать или как поступать в том или ином случае. Он сидел возле памятников – и всё новые и новые картины всплывали в его памяти. Он вспоминал, как отец учил его кузнечному ремеслу. Как он терпеливо научил его выковать такой формы плуг, чтобы им было легко пахать. Как учил его снаряжать лошадь, надевать сбрую и как правильно сидеть в седле, держа определённую осанку, свойственную только кавалерийским офицерам царской армии.

Давид очень многому научился от отца и помимо кузнечного дела. Отец воспитал в нём волевой характер и передал ему то редчайшее свойство доброты и отношения к людям, которое так приятно и удобно Творцу. Но самое главное – он передал ему чувство любви, уважения и почитания своих родителей. Сам Давид-старший, так же, как и Рахель, за всю свою жизнь не сказали своим родителям ни одного грубого слова. Они никогда не проявляли непопечительность или неуважение к тем, кто дал им жизнь. Они регулярно приходили в синагогу и строго соблюдали шабат. Они прекрасно знали, что своей жизнью обязаны троим: отцу, матери и Творцу, который дал им душу. Они с самого раннего детства и всю свою прожитую жизнь были морально и нравственно кристально чисты. Они были воистину безгрешны. Всем

хорошо известно, что происходит, если по причине, известной только ему, Творец не намерен дать новорожденному душу, – на свет появляется мёртворожденный. Мы позволим себе упомянуть только один, самый фундаментальный принцип нашей жизни. У наших родителей есть Партнёр. Проявляя к родителям неуважение, непочтительность, мы всё это проявляем и к Нему – Партнёру. Это надо всегда помнить. Рано или поздно атеисты тоже приходят к этому.

Итак, возвращаемся к нашему Давиду-младшему и к его воспоминаниям. Надо отметить, что после возвращения из армии Давид-старший жил в доме своих родителей, а Рахель с сыном – у своей мамы. Каждый вечер, после дневных работ, забот и хлопот они встречались в доме Рахели или чаще – в кузне, что примыкала к дому родителей Давида. Они сидели на широкой удобной скамейке допоздна. Прохожие часто наблюдали эту влюблённую пару – как эти двое сидели, сжимая друг другу руки. Естественно, у кого угодно может появиться ироническая улыбка. Чтобы так любить друг друга, столько лет прожить в ожидании, наконец встретиться и не жить вместе, не иметь нормальных земных интимных отношений? Да такого быть не может! Всё это выдумка, фантазия и неправдоподобно! Да, со стороны это смотрится именно так, и сомневающиеся имеют на это самые серьёзные основания. Но дело в том, что именно эти отношения у них возникли мгновенно, независимо от них самих, то есть сразу же при их встрече, но этого никто не заметил, не видел и не мог видеть. Они сами этого не ожидали. Их интимные отношения заключались в соитии, в слиянии их душ, они начались с момента встречи и не прекращались ни на один день. У них были духовные интимные отношения, посланные свыше.

Что же это такое? Как это понять или ощутить? Автор хотя и бессилён, но попытается объяснить это необычное явление. В силу высоко моральной атмосферы, сложившейся в этом местечке, а также в силу того, что оба были абсолютно безгрешны, они удостоились получения шестого чувства. Это чувство неземного наслаждения от соития душ. Это чувство возможно только в случае Духовной Любви.

Сравнить это наслаждение с нашим земным наслаждением от интимной близости невозможно. Никто не может это объяснить, и автор тоже бессилён. Как невозможно объяснить слепому от рождения, что такое красный, зелёный, голубой цвет или вообще цвета. Как невозможно объяснить глухому от рождения, что такое звук, нота или мелодия, так как в обоих случаях у них от рождения отсутствует одно из пяти наших чувств. Вот точно так же совершенно невозможно объяснить то божественное, то райское наслаждение от этого шестого чувства, которое влюблённые ощущают от соития их душ, находясь в плену Духовной Любви в этом мире.

Автор только представляет, что если условно собрать все наслаждения, всех людей этой планеты за всё время её существования, то это наслаждение будет во много раз меньше того духовного наслаждения, которое ощущали эти двое во время соития их душ. Это несравнимо ни с чем. Ни о каком другом наслаждении для них не могло быть и речи. Их наслаждение было в миллионы раз больше, чем любое мыслимое наслаждение этого физического мира. Они подвергались ощущениям высшего духовного уровня, недоступным нашему пониманию.

Итак, Давид не познал женщину в нашем физическом мире, зато он познал её – и какую! – в духовном мире, будучи в этом. Эти ощущения наслаждения и блаженства были настолько мощными, что, будучи вместе, они как бы представляли собой какой-то сверхмощный генератор, излучавший радость, добро и счастье. С приездом Давида в местечке многое стало меняться ещё в более позитивную сторону, но к этому мы вернёмся несколько позже.

Перед Давидом-младшим ярко высветилась картина умирающего отца. Это случилось через десять лет после его возвращения из армии. Давид серьёзно заболел, и ни местный доктор, ни другие были не в силах что-либо сделать.

Давид-старший лежал у себя в комнате на широкой большой кровати, сделанной когда-то местным столяром специально для него. На краю кровати, держа его руку, сидела Рахель. Она не плакала. Глаза её были сухи. Они прощались только физически. Он подозвал сына. Тот не мог сдержать своих слёз – он так любил отца. Давид усадил сына по другую сторону кровати. Правой рукой он сжимал руку Рахели, а левой держал руку сына. Родители Давида стояли рядом. Давид давал сыну последнее напутствие:

– Сынок, я знаю, что тебе страшно, что ты растерян, испуган, что с моим уходом ты потеряешь опору. Сынок, всё это не так! Ты уже взрослый. Тебе восемнадцать лет. Ты великолепный кузнец. Ты большой мастер своего дела. Когда мне было столько же, я не умел ковать то, что ты умеешь сегодня. Вот рядом стоит дедушка – он может это подтвердить. Так что не бойся, сынок. Береги свою маму и бабушку. Теперь ты – глава семьи. И ещё вот что. Я прошу тебя: начинай серьёзно учиться у нашего ребе. Я с ним уже говорил о тебе. Он будет очень рад. Запомни, сынок: знания – это настоящая сила. Знания принесут тебе уверенность и мудрость. Обещай мне, сынок! И ещё вот что. Когда тебе потребуется помощь, совет – приходи, ты всё получишь.

Давид-младший сквозь слёзы пообещал и упал, обхватив огромную руку отца. Давид уходил тихо, спокойно и до последней секунды не отрывал глаз от Рахели. Уходил, как праведник, уходил, как святой.

Затем перед Давидом-младшим возникла как наяву картина умирающей мамы. Сразу же после ухода Давида-старшего наша красавица Рахель стала бледнеть, даже как бы вянуть. Через неделю она слегла от слабости. Сын не оставлял её ни на минуту. Не отходила от постели и престарелая мать Рахели. Рахель лежала в кровати, и точно вся светилась. Воистину – за праведником уходила праведница. Она лежала очень тихо и улыбалась. Буквально таяла у всех на глазах и улыбалась, оставаясь необыкновенно прекрасной. За день до её ухода Давид спросил её:

– Мама, почему ты улыбаешься?

– Сыночек, – ответила Рахель, – я скоро встречусь с твоим отцом, как же мне не улыбаться! Ведь мы уже больше никогда не расстанемся. Сыночек, прости меня за то, что я ухожу, но я просто не могу жить без него, и кроме того, он меня ждёт. Сынок, ты помни, что тебе сказал отец. Постарайся выполнить всё то, что ты ему обещал, – и добавила: – Помни, что он сказал: когда тебе нужен будет совет – приходи к нам, и ты его получишь.

На другой день Рахель ушла – так тихо и спокойно, что все, кто был в комнате, ничего не заметили. Даже Давид, сидевший на её кровати и державший её руку, думал, что она спит. Её похолодевшая рука заставила его, да и всех, очнуться. Все последние дни дверь в дом не закрывалась. Ребе приходил каждый день.

На похороны съехались все жители Берковичей. Её и там все любили. Она и там за все годы никому не сказала ни одного грубого слова и помогала людям, как только могла. Она ушла точно так, как ушёл Давид: ушла, как праведница, ушла, как святая.

На кладбище в одном месте лежали два праведника. О том, какие чудеса начали происходить возле этих памятников, мы расскажем чуть позже. А сейчас вернёмся к началу всей этой и предыдущей истории и попробуем разобраться, проанализировать, выявить возможные предпосылки или понять причину, почему это совершенно незнакомое для всех живущих на этой планете шестое чувство, которое сопутствует только Духовной Любви, спустилось на нашу планету именно в этом месте, именно в это местечко, и именно в этих двоих – в Рахель и Давида.

Итак, начнём издалека. С описания локальных природных условий. Огромные территории Белоруссии были, да и сейчас покрыты густыми лесами смешанных пород деревьев, перемежавшимися с болотами и трясины. О глубине этих трясин судить невозможно, так как всё, что попадало в трясины, исчезало навсегда. В лесах преобладали сосна и ель, но было много различных лиственных пород – таких как дуб, кедр, берёза и др. Было и есть очень много раз-

новидностей кустарника со множеством разных ягод. Но особенно богаты эти леса грибами. В лесах водились всяческие звери и зверюшки – бегающие, прыгающие, ползающие и летающие. Лесные массивы, часто непроходимые, перемежались со значительными площадями полей, принадлежавших в то время помещикам. Среди лесов, особенно вдоль ручьёв, устья которых впадали в Днепр, встречались плоские прогалины, удобные для обоснования и строительства маленьких жилых посёлков. Наше местечко – Лесное – разместилось в довольно большой такой прогалине, окружённой болотами и лесами лиственных пород. Прогалина представляла собой своего рода прямоугольник, расположенный длинной стороной вдоль ручья с кристально чистой водой. Помещичьи поля были вблизи – чуть более километра за лесом. К этому местечку когда-то была проложена петляющая грунтовая дорога, которая обходила страшные болотные трясины. Проехать туда можно было только на лошадях. Зимой – на специальных санях.

Примерно за три километра до этого местечка, в лесу, дорога имела развилку. Прямо – дорога вела к соседям. Поворот направо – к нашему. Само местечко находилось в нескольких десятках километров от более или менее крупного населённого центра Суража. Только это не тот Сураж, что севернее Витебска, а чуть северо-западнее Гомеля, то есть тот, который фактически находится на территории России. Таким образом, Лесное находилось на территории Белоруссии и в такой отдалённости от городской цивилизации, в такой глуши, что лучше не придумаешь. Плодородные нетронутые поля, большущая прогалина в почти непроходимом лесу с чудесными лиственными деревьями и кристально чистой воды ручьём с естественным перепадом уровня течения, свежайший здоровый воздух – всё это вместе взятое, очевидно, когда-то послужило тому, что тут начали поселяться наши предки. Заселение происходило с разрешения губернских властей.

Поселенцы начали строить дома, заниматься сельским хозяйством, обрабатывать землю, которую они арендовали у местных помещиков. Построили водяную мельницу, используя перепад, плотину и пруд, в котором можно было купаться. Этот чудесный ручей давал им возможность делать орошение полей. Ручей, который впоследствии проявил необъяснимое чудо и который, вероятно, входил в состав всей водной системы, снабжавшей Днепр, не говоря уже о подземных водах. Другими словами, под поверхностью земли на разных уровнях существуют подземные реки и озёра.

Теперь давайте вернёмся к нашему необычному местечку. Это было просто идеальное место для жизни! Нам неведомо время, когда здесь началось строительство первых домов. Известен только тот факт, что, когда сюда приехал тогда ещё совсем молодой и очень красивый ребе, в будущем отец Рахели, в этом местечке было около двухсот домов и очень скромная по размеру синагога, в которой не хватало места для всех. Местечко было такое же, как и все другие в губернии. Здесь жили, в основном, евреи, основной занятостью которых было сельское хозяйство. Выращивали пшеницу, кукурузу и всевозможные виды овощей. В каждом доме были фруктовые деревья и очень много разной птицы, особенно кур. Были и свиньи – в двух или трёх белорусских семьях, которые каким-то чудом сюда попали, но те вскоре от свинины отказались.

В местечке жили два плотника, которые строили срубы домов во всей округе. Причём сначала строили погреб для хранения картофеля и разных солений, а уже над ним ставили дом. Местный печник, который сам из местной глины делал и обжигал кирпичи, выкладывал особые печи. В этих печах можно было готовить пищу и отапливать ими дом. Был один столяр, постоянно занятый изготовлением разной мебели и особенно люлек для новорожденных. Был один мельник, который не успевал перемалывать зерно от урожая до урожая. Жили здесь несколько охотников, занимавшихся охотничьим промыслом, которые прекрасно знали все тропы и тропинки, чтобы обойти болотные трясины. Был Голубев, который вместе с сыновьями разводил и тренировал голубей для почтовых нужд. Был один жестянщик, постоянно

занятый изготовлением металлической посуды и ванночек для младенцев. Был один кузнец – пожалуй, единственный на всю округу, и сын которого впоследствии прославил это местечко, став легендарным на всю губернию. Был один ювелир и он же – часовых дел мастер. Жил здесь один изготовитель скрипок, и он же – учитель музыки. Были сапожник, парикмахер, портной, люди других профессий, даже один доктор, который лечил и взрослых, и малышей.

Во всех дворах росли различные фруктовые деревья, дававшие почти каждый год хорошие урожаи, и, что самое главное, – здесь все любили цветы. Всё утопало в зелени и цветах. Вдоль единственной улицы когда-то были посажены кедры, и вся дорога от начала до конца представляла собой зелёный коридор. Воздух в этом местечке был какой-то особенный по своей чистоте. Его хотелось пить. Когда сюда приехал ребе, отец Рахели, то первой проблемой, с которой он столкнулся, были петухи. Почти в каждом дворе было множество кур и обязательно петух. Рано утром один из них начинал своё соло, и его немедленно подхватывали все остальные по всей длине улицы. Эти утренние голосовые упражнения, этот подъём и крики невозможно было выдержать! Появилось предложение оставить только трёх петухов: в начале улицы, посередине и в конце. Предложение не было принято, так как остальные наотрез отказались зарезать своих петухов. Пошли к новому ребе. Он внимательно всех выслушал и попросил дать ему пару дней подумать. Затем пошёл к столяру. Вместе они решили проблему. Столяр взялся изготовить для петухов клеточки. На ночь их накрывали чем-нибудь тёмным, а утром покрывало снимали. Плата за клеточку была такая мизерная, что все согласились. После раздачи клеток посторонний наблюдатель мог получить рано утром удовольствие только от трёх петухов. Когда через час хозяйки снимали с клеток покрывала, петухи растерянно встряхивались и уже без крика стремглав мчались пересчитывать своих кур. По тем временам это было, если можно так сказать, нормальное местечко – со своими сплетнями, злословием, враждой, завистью и, мягко скажем, не очень дружелюбным отношением друг к другу.

Наш ребе начал работать. Во все свои лекции, беседы он вносил дух позитивности, доброго, благожелательного отношения друг к другу. Он терпеливо и настойчиво воспитывал жителей местечка, призывая терпеливо и тепло относиться к соседям, уважать их. Он постоянно участвовал в разборе ссор как между взрослыми, так и между детьми. Он учил их тому, что хочет видеть в них Творец. Он потратил очень много времени, сил, энергии и здоровья на то, чтобы создать в этом местечке общество, приятное Творцу. Зная, как тяжело жителям местечка продать то, что они производят, зная, как трудно, а иногда и невозможно доставить в город товар (как продукты сельского хозяйства, так и всё остальное), ребе связался с различными оптовыми закупщиками в Сураже, Гомеле, Бобруйске и даже в Могилёве. Они приезжали и закупали всё, что было готово для продажи. Более того – они начали привозить заказы. Местечко начало богатеть и процветать.

Шли годы. Работа ребе тоже начала приносить свои плоды. Люди стали теплее и сердечнее относиться друг к другу. Дети росли окружённые любовью, заботой и вниманием не только со стороны родителей, но также и со стороны всех соседей – как ближних, так и дальних. Свадьбы между детьми соседей стали обыденным явлением. Постепенно местечко превращалось как бы в одну семью.

Итак, они жили вдалеке от всяческих средств массовой информации, которая занимается в основном тем, что помимо сообщения новостей разлагает моральные устои любого общества. Их единственной связью с внешним миром был почтальон, который крайне нерегулярно доставлял почту. В экстренных случаях люди пользовались услугами голубятника. Благодаря отдалённости от всего городского, а также благодаря всей этой удивительной окружающей природе, чистейшему воздуху новое поколение выросло морально устойчивым, умственно и физически здоровым, и счастливым, без каких-либо комплексов неполноценности. Они жили в глуши, вдалеке от развивающейся цивилизации с её звериными инстинктами, неконтролируемой алчностью и жадностью, стремлением к наживе, деньгам, роскоши и дру-

гим порокам, и язвам, сопутствующим любой цивилизации. Они трудились и жили здоровой, нормальной жизнью, пользуясь и питаясь продуктами своего далеко не лёгкого труда. И все они были счастливы. Другой жизни они уже не хотели. Они достигли того уровня человеческих отношений, когда все без исключения стали помогать друг другу жить.

Однажды ребе обратился ко всем жителям местечка. Собрали средства, перестроили и увеличили синагогу. Она стала намного вместительнее. Были даже комнаты для занятий с детьми и взрослыми. Люди стали больше понимать и тянуться к истине.

Прошло ещё несколько лет. Изменилась вся человеческая атмосфера жизни. В корне переменялись ментальность и психология, их отношение к соседям и к самим себе. Благодаря трудам этого замечательного ребе в местечке сформировалось совершенно новое, до сих пор нигде неведомое, почти идеальное микроскопическое человеческое общество, с чистейшими морально-этическими правилами и нормами общественной жизни, так приятное и удобное Творцу. Нигде в мире ничего подобного не было.

К тому времени, когда у кузнеца родился сын Давид, а через три года у самого ребе – дочь Рахель, местечко было морально подготовлено к принятию Божественного подарка, шестого чувства – Духовной Любви. В этом местечке, по нашему мнению, были созданы все условия, была укреплена такая атмосфера человеческих отношений, а эта пара была настолько морально чиста, что очевидно, ни лучшего места, ни лучших кандидатов принять такое шестое чувство не было нигде в мире. Но надо отметить, что всё то, что с таким трудом создавал ребе, после трагедии, которая произошла в основном по его же вине, вся атмосфера в местечке была слегка потревожена. Отъезд Давида в царскую армию, уход ребе и приезд нового, которого никто ещё не знал. Всё это вместе взятое повлияло на настроение людей. Нельзя сказать, что они возвратились к первоначальному положению, но атмосфера искренней теплоты и доброго отношения к соседу стала несколько формальной. Спас положение новый ребе, который с огромным энтузиазмом взялся продолжать дело, начатое своим предшественником, и только благодаря этому к моменту возвращения Давида была создана атмосфера таких человеческих отношений, когда люди сами стали относиться к ближнему, как к самому себе. Это было фактически достигнуто ежедневным кропотливым трудом двух ребе в течение сорока лет.

Уместно вспомнить, что в Лесном за это время произошли два феномена. Первый произошёл после того, как Давид ушёл в армию на двадцать лет, а ребе, отец Рахели, покинул Лесное. Феномен заключался в том, что в местечке сократилась рождаемость. И не потому, что прекратились супружеские отношения. Отнюдь нет. Мужчины и женщины по-прежнему нежно относились друг к другу. Наоборот, многие прилагали усилия, чтобы заиметь ещё одного ребёнка, но, как супруги ни старались из этого ничего не получалось. Создавалось впечатление, что женщины утратили способность зачатия. Если в течение одного года и родились один или два младенца – то это было великим событием. Таким образом, за все годы, что Давид был в армии, население нашего местечка очень мало изменилось.

Второй феномен произошёл после того, как Давид вернулся из армии. Он и Рахель больше не расставались до самой их смерти. Феномен заключался в том, что спустя девять-десять месяцев после возвращения Давида в местечке начался бум деторождения. Местные повитухи не успевали принимать роды, а столяр и жестянщик работали день и ночь, изготавливая детские люльки и ванночки. Радость и счастье вернулись в местечко.

В один из этих счастливых и радостных дней у соседней Рахели родилась дочь, которую назвали Рахель. Будем называть её Рахель-младшая. Она была – в полном смысле этого слова – Божьим творением. Эти светло-голубые широко раскрытые глазки, белокурые кудрявые волосики. Эти малюсенькие ручки и ножки. Она всегда смеялась. Давид-младший, которому было почти девять лет, после работы приходил поиграть с ней. Ему доставляло огромное удовольствие щекотать ей животик, а она сучила ручками и ножками, заливаясь от смеха. Для него это были самые счастливые минуты в жизни – поиграть с этим живым ангелочком.

Время шло. Давид-младший упорно учился у своего отца кузнечному искусству. Мальчик его очень любил. Он восхищался и гордился им, а сам Давид только удивлялся способностям своего сына. Мальчонка был очень талантлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.